

Мария Аввакумова

*Мой
потрясающий
космос*

Мария Николаевна Аввакумова

Мой потрясающий космос (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27100073

Мой потрясающий космос: Сказочная дорога; Москва; 2017

ISBN 978-5-4329-0134-7

Аннотация

Мария Аввакумова – поэт, очеркист, член Союза журналистов и Союза писателей России (СССР) с 1982 г. Лауреат премии «Золотое перо» (2006) – первое место в номинации «Патриотическая поэзия», Международной Есенинской премии (2012), премии Союза писателей России «Имперская культура» (2014) и др. В книгу «Мой потрясающий космос» вошли рассказы и очерки о паломничестве автора на христианский Восток (Египет, Синай, Каппадокия) и, конечно, на Русский Север, в Архангельскую область, где и родилась Мария. Они объединены пламенной любовью к космосу – нашей небесной родине. И эта любовь не осталась безответной. Мир надземный бесконечно разнообразен, непредсказуем, полон тайн, загадок и чудес. Собственно, это единая повесть о чудесах и чудесном, лично пережитом автором.

Содержание

Ангел моего детства	6
Сúра благословенная	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Мария Аввакумова

Мой потрясающий космос

© Аввакумова М.Н., 2017

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2017

* * *

Ангел моего детства

Я родилась весной... Отец, потрудившийся над моим появлением на свет, скоро был призван на фронт. На тот момент ему было уже пятьдесят, но, видимо, молодых да юных мужчин на фронтах оставалось всё меньше, и вот приходилось мобилизовывать стариков. Про всё это я, лёжа в холодной северной постели, конечно, не знала ни сном ни духом, но война уже ворохалась и в моей постельке, и в моей судьбе.

Ушёл отец, единственный кормилец в семье, где пятеро детей. Старшие сёстры (благо, что были уже девушками), приобретали профессии и что-то где-то в городах сами зарабатывали.

А мы с братом Володей (он старше меня на пяток лет), остались на руках больной матери.

Видимо, все три допобедных года войны я проспала полуголодным сном, у Христа и у матери за пазухой. В нашей леспромхозовской квартирке, отапливавшейся от печки-голландки, тепла и потом было немного; а в войну где одинокой женщине набраться дров?.. в ход шла всякая щепочка, всякая соломинка.

Когда стала уже осознавать своё присутствие на белом свете, взяла цепко в память наши сидения с Володей у горячей печки в ожидании, когда поджарятся на чугунных кружках ломтики мороженой картошки. Их мы мгновенно съеда-

ли и тут же нарезали и накладывали на красный чугун новые...

Где Володя накапывал картошку, бог весть: спросить не у кого. Те моменты тихой детской радости не были частыми.

Ещё реже были наши «конфетные» праздники – это когда мама выдавала нам ложку-другую сахарного песка, и мы жгли его в алюминиевой миске всё на той же печке-голландке, превращая в коричневый сладкий «блинок». Остудив «блинок» и поколов его на части, мы получали наши единственные той поры конфетки. У этих часов нашего счастья был свидетель и обожатель – большой чёрный пёс, приводимый братом с улицы и блаженно возлежавший, уронив морду на ледяные свои лапы. Нас было трое.

Пёс, отогревшись, невероятно по-стариковски фунил, за что и получил от Володи нехорошее прозвище... Почему я так много слов уделяю этому приبلудному псу?... – А вот и не знаю. Может, потому, что рядом никого не было – ни мамы, ни отца, ни сестёр, а он был, и от него было теплее в доме.

А где же была наша мама? Возможно, в очередной раз отправилась на поиски нашей основной кормилицы, драгоценной козы Мильки. Именно так – Мильки.

Милька была девушка с характером – и рогатая, и бодатая, а хуже всего – имевшая страсть к бродяжничеству. Чуть отвернись, она уже выдрала из земли колышек с верёвкой и удрала вместе с ним за тридевять земель, – вот и снова её ищи.

Приходилось даже слёзно выручать и даже выкупать Мильку из плена замысливших недоброе людей.

Но коза стоила того. Не будь нашей бегуни, на чём бы выросли мы с братом в те долгие годы войны? Зимы наши северные всяк знает, какие – не дождёшься, когда и кончатся. А уж если апрель пришёл, тогда и живы, слава Богу.

Апрель – это мой месяц. Не то, что день рождения (кстати, я и не помню, чтобы мне его когда-нибудь в детстве отмечали)... а совсем другое.

В апреле мама открывала большую комнату, всю зиму простоявшую закрытой из-за невозможности там проживать зимой: она была угловой, причём угол приходился на сторону Северной Двины, нещадно шпарившей морозными ветрами, так что стены покрывались инеем.

И вот мы открывали большую комнату, вносили из маленькой на своё законное место большие горшки с комнатными цветами. Цветы – это наш райский сад. Мама и сёстры их трепетно оберегали. Помнится, когда домой, в Тойму, приезжали Нина с Лией, они первым делом вооружались тряпками и протирали большие листья зелёных насельников нашей оранжереи. В большой комнате стояла обширная, на высоких ножках, родительская кровать, как невеста, одетая во всё белоснежное.

Над ней красовался оптимистический плакат с весёлым краснощёким советским лыжником, летящим с горы. А над другой кроватью, поменьше, висела настоящая картина мас-

лом, на которой испуганные брат с сестрёнкой бежали от настигающей их грозы; бежали по старенькому щербатому мостику... (См. вклейку. Ил. 1.)

Но зря они так испугались, ведь над ними простёрла свои крылья огромная **женщина-ангел**.

Вот под этой картиной и проходили мои ночи в короткое северное лето. Ныне в православных лавках можно встретить открыточку с репродукцией этой картины, поскольку сейчас *всё можно*: и Бога, и ангелов, а тогда...

Скорей всего, я была почти единственной, кто лицезрел эту женщину-ангела в нашей Верхней Тойме, потому что посторонних в нашей большой комнате никогда не было.

Да и в маленькую редко кто заглядывал – такое было время, не нуждающееся в оправдании.

А воздействие художественного полотна на формирование во мне своеобразного человечка тоже нет нужды доказывать: это и открывшаяся однажды творческая тяга, и неравнодушие к небесному миру, и некая, смею думать, упругость жизненной энергии.

И снова вернёмся в апрель...

Природа встрепенулась жить. Зажурчала, засветилась, обнажилась пригорками, бросилась в рост мельчайшими травками, а травки – спасенье и для козы Мильки, и для нас – негородских ребятишек. Потекла сосновая смолка – она наша!

Засочился берёзовый сок – брат уже и сам напился, и несёт в баночке домой. А если заячья капуста под ёлочками на угоре за Долининским ручьём (где сейчас деревянная церковка), там и меня ползающей под ёлками можно было заметить; заячья капуста не хуже лимона снабжает витамином Цэ.

А уж если мак зацвёл, то, значит, будут у нас скоро пироги с маком – сами и насобираем по зёрнышку на опустевшем маковом поле (мак тогда выращивали для каких-то нужд войны).

Полноценной-то еды у нас никогда не было. Но мы, малолетки, жили себе и даже не подозревали, что мы *всегда голодные*.

Но инстинктивно все наши действия были связаны в первую очередь с тем, чтобы подбросить в топку растущего организма каких-либо дровец.

Это и было нам задание от Господа – **ВЫЖИТЬ!**

Отсюда проистекала наша тогдашняя повседневная жизнь-выживание: попытки с вилкой в руке поймать в ручье налима, хождение в лес (далеко и страшно!) за ягодами, добыча на замёрзшем поле недовыкопанной кем-то картофелины...

Ведь в годы войны матерям-солдаткам не было ни пособий, ни каких-то других льгот, если судить по нашей верхнетоемской жизни, а ведь это всё же был районный центр!.. *«Всё для фронта, всё для Победы!»*

А кто бы возражал?

Вот и не помню я из тех лет ни стола, застеленного белой скатертью, ни царских на нём яств.

Спасибо маме и за тёплую мучную болтанку, сдобренную каплей растительного масла, и за редкие попытки удивить невиданным доселе блюдом.

Не даёт Господь забыть поистине святого дня, видимо, скрытно связанного с каким-то семейным событием (или это была Пасха?): мы с братом прожорливо наблюдаем, как мама торжественно выкладывает в горячие капустные листья какой-то фаршик, а потом старается их завернуть, но они никак не хотят заворачиваться.

В комнате разлито уютное тепло с мягким капустным оттенком. Так, с боем, творились удивительные голубцы, приковавшие наше внимание. Удались ли они у утратившей поварские навыки мамы, напрочь забыто. «Как аппетит?» – «Не жёвано летит!»

А вот простецкие шанежки нам перепали чаще.

Шанежки тех лет – это вот как: берётся кусок хлеба, а сверху настиляется либо пшённая каша-размазня, либо картофельное пюре. Заготовка на противне запускается на огонь, – и, подрумянившись, шанежки готовы. Остается только махнуть сверху промасленным вороньим пёрышком.

Сейчас, в годы относительного благополучия, так и не научившись баловать себя мировыми кулинарными шедеврами, все мы, *выходцы из войны*, представляем собой особую

породу людей, на которых может положиться не только наша единственно любимая Родина, но и сам Господь. Ибо мы веруем, что, если ОН не выдаст, никакая свинья нас не съест.

Что-то в нас заложено военным воздухом такое, чего нет или совсем почти нет в других, более молодых, соотечественниках. И вот самое время рассказать про цыганку.

Брат Володя уже ходил учиться, и я всё реже видела его дома. А меня мама стала помаленьку приучать к рукоделию. Сама она, когда была в силах, кое-что шила на ножной машине под звуки радио тех времён – круглого, чёрного, страшноватого.

Но у меня дело кройки и шитья не пошло, потому как я сразу же, не справившись с ретивой машиной, пришила собственный палец. И вот ещё что памятно: именно тогда, в тот период, из радио стали иногда доноситься неслыханные ранее печальные протяжные хоровые мелодии, и мама им тихохонько подпевала (так ознаменовался почти незаметный для страны разворот вождя к помощи сил небесных.).

Известно, что все дети – непоседы, так и я не чуралась улицы, расширяя свои познания жизни через расширение окружающего пространства.

Летом я иногда уходила за большой мост над глубоким оврагом: там было поле пшеницы, скрывавшее меня ото вся и всех с головой.

Поиграв с колосками, поев молочных зёрнышек, я там же и засыпала, пригревшись на земле.

Однажды, возвращаясь из подобного похода, я увидела под всегда открытой коридорной дверью какой-то белый уголок.

За дверью оказался небольшой свёрточек, завёрнутый в носовой платок. В свёрточке лежали бумажные деньги и... две глызки кускового сахара. Детское сердце забилося радостно, рука потянулась к сахару...

Я схватила сахарок, а свёрток пихнула на прежнее место и убежала. Дома я тут же изгрызла полузабытую сладость и, видимо от пережитых чувств, уснула. И какой же охватил меня ужас, когда в тот же день к нам постучала пожилая цыганка! Она плачущим голосом спрашивала, не видели ли мы её свёрточка?.. Мама сочувствовала ей, утешала, охая...

Цыганка ушла, а я долго молча переживала о своём преступном деянии – съеденном кусочке сахара. Ах, зачем я тогда не удержалась?!.. И кто подобрал цыганкино богатство?.. И зачем же она положила его в коридоре?.. За коридорную дверь? Сейчас, когда я сытая и нужды мало в чём имею, и то бы подумала: взять или оставить на месте найденные большие деньги? А вот святое существо, каким я некогда, давным-давно, но всё же была, не задумалось, просто ушло от них подальше. Или это мой ангел-хранитель сказал мне: «Уйди!»

Ну вот, на этом можно было бы и закончить. Но нет, война ещё продолжалась и после всеобщей Победы, продолжалась и после того самого дня, когда в дверь громко и решительно

постучали. Мама открыла дверь – и в наше жилище широко шагнул большой незнакомый человек, густо обросший чёрной бородой, утопив меня в своей колючей и пахучей шинели.

Но я испугалась его, вырвалась и убежала прятаться за мамино самодельное кресло. А это был мой отвоевавший отец, Николай Петрович Аввакумов.

С отцом жизнь наступила совсем другая. Он многое умел: ловить рыбу с помощью помчи (хитроумная конструкция для заманивания рыб), умел достать рыбу даже из-под ледяной реки, умел управляться с лошадьми, будучи ветеринарным фельдшером.

К той поре мы безвозвратно потеряли козу Мильку, к тому же у нас угнали и лодку, но отец находил выходы, как нас прокормить.

Да и у мамы дела пошли на лад: тоемские девушки почувяли интерес к себе со стороны оставшихся в живых мужчин и стали чаще обращаться к маме: дескать, сшей ты мне, Пелагия Степановна, платьице из крепдешина. Мама старалась. Вот тогда я и узнала вкус настоящего пряника.

Голод уже не так высасывал из нас, ребятишек-погодок, энергию жизни, и мы нетерпеливо ждали то время, когда пойдём в школу – *учиться!*

Су́ра благословенная

*Веруй, что всё случающееся с нами – до самого
малейшего, совершается по Промыслу Божьему.
Преподобный авва Дорофей*

Вот и случилось со мной то, чему бы случиться давным-давно, да на всё Божья воля. Я побывала на Пинеге. Много лет назад я добралась-таки до Карпогор, заночевала в большом крестьянском доме, куда слетелись учителя района на свой осенний сбор (наверное, это была здешняя школа).

Погода стояла дождливая, неудобная. К моему разочарованию, никакой транспорт никуда не двигался: самолёты не летали (в те годы они ещё не были списаны), катера не ходили ни вверх, ни вниз. А в моих планах было добраться до Суры.

Учителя «обрадовали»: приехала-де я не в сезон. А когда он, сезон-то, тоже точно не знали. Это вроде бы тогда, когда Пинега разольётся на неделю-другую. Происходит это не по расписанию, а когда как. Вот тогда я уже почувствовала непростой характер этой северной реки.

В тот раз пришлось мне вернуться домой, в московские пределы, несолоно хлебавши. Несколько лет назад, будучи в Архангельске в тёплое сухое время – в августе, я снова сделала попытку разузнать про Пинегу. Оказалось, самолёты пе-

рестали летать вовсе, а по реке... разве что на плотях. И вот я снова в Архангельске: дела сделаны, слова сказаны, а уезжать рано не хотелось. Звоню по телефонам бывшего городского экскурсионного бюро; приятно удивлена, что мне отвечают и даже вникают в мою просьбу. На второй день – звонок: да, нашлась одна группа, которая направляется на Пинегу, это паломники из Москвы. Едут на архангельский север по православным местам, в их планах и Сура. Меня могут присоединить к этой группе. Я, конечно, чуть не прыгаю от радости... Почему я рассказываю эту предысторию?.. И разве не могла я просто сесть на поезд и поехать, а там как повезёт?.. Во-первых, такой опыт у меня уже был.

Во-вторых, времена сильно изменились, и не в лучшую сторону: ехать в одиночку сподручно разве что мужчине (забегая вперёд, скажу, что уже в этой поездке был моим словам наглядный пример: две паломницы, самостоятельно добравшись до Верколы, так и не нашли в большом селе ночлега – никто не пустил, спали под небом, благо погода в июле добрая.)

В турфирме за три дня на Пинеге запросили такую неожиданную сумму, которой у меня не оказалось; занимать тоже не хотелось. И вот я пребывала в бестолковом раздумье: добираться своим ходом опасно, а с группой – накладно...

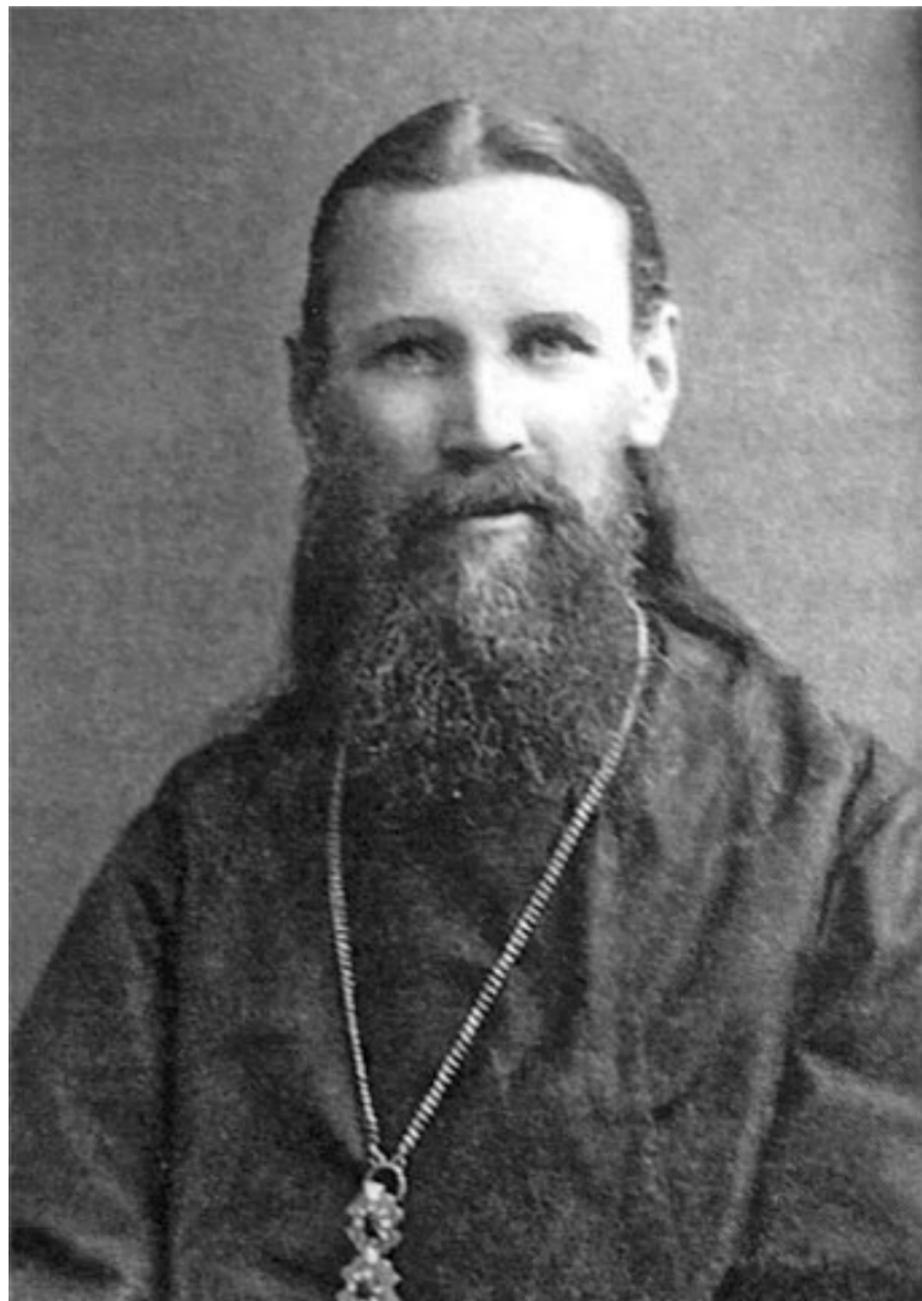
На Севере есть поговорка: утро вечера мудрее. С тяжёлой головой ложусь спать и вижу вот такой, всё проясняющий, сон: словно бы бегу я по зимней широкой прямой дороге...

шибко, весело бегу; и тут, справа, вижу дружную группу туристов. И далее мы уже поскакали все вместе, а я – впереди всех.

О чём ещё думать после такого сна?! Ведь даже и возраст, и количество паломников оказалось, как в моём сне.

Задним числом я поняла, что это сам отец Иоанн Сергиев дал мне руководство... Он ждал меня сюда, на Пинегу. Давно ждал. И отчего во мне такая уверенность, мне хочется объяснить. Ведь и в Суру меня издавна тянуло вовсе не случайно. Какое мне, девчонке в двадцать лет, дело до какой-то Суры! И жила я далеко-далеко от этих мест.

Правда, родина моя – Верхняя Тойма – совсем по соседству: вот только миновать по бездорожной тайболе километров сто пятьдесят, что называется напрямки, с Северной Двины – на реку Пинегу. Да ещё то, застрявшее в моей памяти, что бабушка моя по маминой линии – с Пинеги.

О. Иоанн Сергиев

Пелагия Степановна Деснёва (Аввакумова) – мама М.Н. Аввакумовой

Да ещё вот что: я давно заметила разительное сходство моей мамы-покойницы с распространёнными портретами Иоанна Кронштадтского – сурского батюшки Иоанна Сергиева: особенная, словно разбавленная молоком, голубоглазость, высоколобость, скуластость... А ещё и вот какое совпадение: в студенческие годы я как оглашенная, забыв про осторожность (ведь училась на отделении журналистики и должна была стать «подручной партии»), ездила по монастырям. Все три знаменитые обители, не закрытые на ту пору, видели меня, голодранку.

Но я особенно стремилась на северо-запад, в Псково-Печорский и Пюхтицкий монастыри (один в Псковской области, другой – в Эстонии, недалеко от железнодорожной станции Йыхве). Была там к концу века даже не трижды. Молельщицей я была плохой, но к монастырскому духу тянулась. И только на склоне лет узнаю, что Иоанн Сергиев был любимым батюшкой насельниц Пюхтицкого Успенского монастыря и что положил на его благополучие много усилий. А между этими двумя монастырями укреплял особую, «собинную», дружбу. В семидесятые годы не было ещё монастырского музея, а имя отца Иоанна не было прославлено (наоборот, за одно упоминание его люди попадали в хороший оборот, а то и в Сибирь). Я, ничего этого не зная, сделала

тогда снимок: портрет Иоанна Кронштадтского, написанный почти в натуру на левой колонне входных ворот Пюхтицкого Успенского монастыря...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.